

И Д А Л А Б Е Н

*НЕПРОЧНОЕ
НЕБО*

/ Скифия

Ида Лабен

Непрочное небо

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74297061
Непрочное небо / И. Лабен: Скифия; Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-00025-449-3*

Аннотация

В книге поэта из Ростова-на-Дону Иды Лабен собраны стихи, написанные в разные периоды ее творческой жизни: от ранних, вошедших в раздел «Старая тетрадь», до стихотворений последних лет. Существенную часть сборника составляют «Севастопольские мотивы» – стихи о родном городе, событиях его сложной героической истории.

Заключают сборник переводы стихотворений и поэм Э. А. По, Р. Л. Стивенсона, О. Уайльда, И. В. Гете, П. Целана и других.

Содержание

Севастопольские мотивы	7
Спаси и сохрани	7
Город	9
Лестничное	10
Изгибы бухт	11
Центральный холм. Зима	12
Херсонесский мост	14
Братское	15
Пятый бастион	16
Пилигрим	18
Вальс Матросского бульвара	20
Межсезонье	22
Миндаль	24
Херсонес. Колокол	25
Катер	26
Лабораторное шоссе	27
Морская осень	29
Старая маслина	31
Оливы	32
Инкерман	33
Максимова дача	35
Обезьянья баллада	36
Башня Ветров	39

Лодочник	40
Малахов курган	41
Баллада о затопленных кораблях	43
Равелин	46
Кредо навыворот	48
Твои берега во мне	49
Улица Розы Люксембург	50
Улица Яна Гамарника	51
Балетный класс	53
Осенний сонет	55
Синий плащ	56
Льдинка	58
Месяц слева	60
Да не будет дано	62
Те города, где моря нет	63
Лодка-мама и лодка-дочка	64
Синее	66
Лонгрен	67
О кораблях	69
Механический ящер	70
Непрочное небо	72
Подзорная труба	72
Тамань	74
Нарисуй мне ель	76
Черно-белое	77
В конце зимы	79

Метель	80
Нигде	81
Непрочное небо	83
Никто	84
Романсеро	85
Баллада о городе С.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ида Лабен

Непрочное небо

© И. Лабен, тексты, 2026

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом „Скифия“», 2026

Севастопольские мотивы

Спаси и сохрани

*За веру и любовь, за доблесть, честь и совесть
Спаси и сохрани, спаси и сохрани!*

В. Салтанова

Спаси и сохрани стальное благородство
Сердец, бульваров, стен, музейной тишины,
Спокойных крейсеров, проворных миноносцев,
Цветенья миндаля в преддверии весны,
Отвагу, что века крепчала и не гнулась,
И стала как кристалл – прозрачная на свет,
Нахимова, его усталую сутулость
Под тяжестью эпох, прозрений, эполет,
Блестящую в ветвях округлость Панорамы,
Булыжник мостовых и склянок перелив,
Незримые уже следы отца и мамы,
Прозрачность базилик и серебро олив,
Огонь осенних роз и тайны старых улиц,
И амфоры в пыли, и дальние огни, —
У нынешней черты, когда миры схлестнулись,
Спаси и сохрани, спаси и сохрани.

Город

А какого мне счастья, какой мне еще любви,
Если вижу твои берега я, закрыв глаза,
Если путь мой полыню холмов твоих перевит,
Если так и живу я, главного не сказав,
Ибо главная суть – изгиб твоих берегов.
Горизонт не пуст – сторожит его равелин.
Город, в тебя спешу я лестницами веков
В своих снах и яви. Ты, Город, всегда один.
Для того и разлука, наверно, с тобой дана,
Чтобы лучше видеть с годами, издалека,
Как в ночи над руиной собора стоит луна,
Светит в море точка сигнального огонька.
Да и я понимаю теперь, для чего нужна:
Я певец твой, во сне идущий на твой призыв,
Я птенец твой певчий, я голос, зурна, струна,
Я поющий стебель, отвод от твоей лозы,
Я пунктир и память, провал, цезура небытия,
Я тоска по дому, я боль надлома, семит, номад,
Я пылинка раскопа, былинка полыни – я.
И когда я иду вперед, то иду назад.

Лестничное

От тебя наследуя бестелесность,
Бухтами разомкнутый окоем,
Я зависла в зыбком сплетенье лестниц,
В хрупком междумирии голубом.
Мой корабль, бесплотно парящий город,
Вертоград превыше земных преград,
Лестницы – твой рвущийся вверх рангоут
Над зияньем призрачных карронад.
Ярусы домов – нависанье палуб,
Нижняя целует волнам хребты,
Подбегая лестницами к причалам,
К морю наклоняется с высоты.
Кружева перил и полет пролетов,
Светотень акаций и миндаля,
Сквозняки аркад, гулких скал пустоты,
И почти бесплотна внизу земля.
Грань могучих вод и притихшей суши,
Что дано тому, кто рожден на ней?
К соли придышаться да ветер слушать,
Шепот парусов, голоса теней.

Изгибы бухт

Изгибы бухт – почти черты лица:
Что видел в детстве, помнишь без конца.
Привычным стал изысканный недуг —
Опять хочу увидеть акведук,
Услышать скрип колонки, плеск воды
В тени маслин серебряно-седых,
А дальше, обращая время вспять,
Овраг внизу увидеть и узнать
В полыни и репьях, а не стадион,
И дом, что неизменен с тех времен.
Чугунную ограду – кружева —
И лестницу, что все еще жива,
И тот чердак, с которого видны
Все крыши Корабельной стороны,
И кривенький расшатанный сарай, —
И память, перелившись через край,
Воспоминаниям утратит счет
И в море бесконечное впадет.

Центральный холм. Зима

*Кто не родился здесь, тот не поймет, чем же
держит
Скудная эта земля, ограниченная морем.*

Светлана Галс

Уже черны на Городском холме
Штрихи деревьев – все идет к зиме.
А сквозь штрихи белеет Третья школа
Пятном муки чистейшего помола.
Тотлебен – с поседевшей головой:
Нежданный снег упал на бронзу с неба.
А там, на горизонте, где синело,
Уже простилось море с синевой.
Твоя зима пройдет без белизны,
Ну, разве ненароком снег сорвется,
Как в эту ночь, а так сухим колодцем
Ты прстоишь под ветром до весны.
По опустевшим улицам холма
Погонит он в тоске стручки и листья.
Лишь иногда окрасит их зима,
Случайно прикоснувшись белой кистью.
Когда внизу поднимет шторм волну
И захлестнет безлюдье сонных пляжей,
И, криком разрезая тишину,

Взовьется чаек бдительная стража,
Пустынный холм все так же будет спать
Под музыку немого разговора —
Сквозь вечность, тишину ее и гладь —
Великих адмиралов и Собора.
Кто не родился здесь, тот не поймет.
А тот, кто выпал из гнезда незрелым,
Вернется мыслью. Скоро Новый год
Опять.
Тотлебен припорошен белым.

Херсонесский мост

Помнишь, там был Херсонесский мост —
Холод сквозных перил?
Прошлое тянет за мною хвост
Памяти, лет, могил.

Тяжестью тянет, и неспроста,
Гонит к родным местам.
Нет, я не помню того моста.
Он меня помнит сам.

Хоть я тогда и не родилась,
В сутолоке времен
Есть между нами тайная связь —
Не отпускает он.

Стынет под взглядом печальных звезд
В вечности ледяной
Тот довоенный разбитый мост,
Мост между мной – и мной.

Братское

Лежащее по ту сторону
незамерзающих вод,
где сосны – тихие, черные —
и пирамидальный свод
часовни вдали над пустошью
отовсюду видны
и суетой не глушатся
выдохи той войны.
Потрепанные надгробия,
кириллицыны рубцы.
Тут все чины и сословия —
смиранные храбрецы.
Курган с забытыми тайнами —
их вечный несданный фронт —
глазами бойниц печальными
смотрит на горизонт.
В бою стояли как братья —
так и сошли в Аид
непобежденной ратью
под россыпь крестов и плит.

Пятый бастион

Серый камень в каплях кровавых —
Льется, льется дикий виноград:
Как подтеки крови, у стены
Красные трилистники висят.
Осени багровая канва
Память обрамляет, а вдали,
К горизонту, видимы едва,
В ярком море тают корабли.

Серый камень, кружево оград, —
Вяжет память терпкий узелок.
Льется кровью дикий виноград,
Словно мякоть времени и сок,
Капая, сгущаются в настой,
В вековой венозно-темный сплав
Алых революций, бурых войн.
Кап-кап-кап, — стучит везде, — кап-кап!

С этим звуком свыкся бастион,
Проницая ночью, как в ответ
Издает земля железный стон
Там, где проступил багровый след.
Но из века в век, из года в год
След кровит — стереть его нельзя!
Дикий виноград ползет, ползет

Вдаль – кровото́чащая лоза.

Пилигрим

*Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима...*

У. Шекспир, пер. с англ. С. Я. Маршака

Мой календарь еще не перелистан —
Сон мне не зря обещал,
Что возвращусь я на Графскую пристань,
Старый дощатый причал.
Портик сквозит колоннадой граненой,
Бьется о сваи вода.
По неизвестным вселенским законам
Дух мой приписан сюда
И возвратится тропой пилигримов
Тысячи, тысячи раз!
Млечный прожектор, бессменный Нахимов,
Город, где я родилась,
Площадь, а рядом шумит неустанно,
Горе смывая, прибой,
Листья резные теряя, платаны
Шепчутся между собой,
Тени фонарные движутся ломко,
И, пробираясь по ним,
Плечи ссутулив под ветхой котомкой,

Молча бредет пилигрим.

Вальс Матросского бульвара

Светлане Галс

Свечки бледных кувшинок текут по стеклу
Водяному в овале старинном —
Там, где гипсовый мальчик склонился к веслу
И блестит под луной серебринам.
В лоне летнего сна цепенеет бульвар,
И прохожий готов потеряться
От иудина дерева розовых чар,
От мерцающей пены акаций.

Ностальгии и тайны прозрачная смесь
Тут отвешена щедро по-царски.
Это вотчина снов. Ты бываешь ли здесь,
В этом призрачном месте, Казарский?
Твой безудержный бриг возвратился, устав
От боев, но увенчан победой,
И прорехи зияли в его парусах,
Протекая потоками света.

А на мне навсегда отпечатался след
Поражений в пути. Я не воин.
И домой возвращаюсь, увы, без побед,
С длинным перечнем ран и пробоин.
Все петляет дорога, виток за витком,

И когда добреду, непонятно.

Ждет бульвар. Истекает луна молоком,

Оставляя прозрачные пятна.

Межсезонье

Полувздох, полусвет межсезонья...

С. Галс

О, мне бы туда, в межсезонье,
В провал облетевших аллей!
Пройтись бы голодной ладонью
По ржавым крестам якорей.

Увидеть с бульвара, где пусто —
Один под зонтом пешеход, —
Как вниз по мощеному спуску
Промокший троллейбус ползет,

Как в лужу с усталой софоры
Стручки, рассыпаясь, летят,
Как тускло мерцают Бомборы
Окошками кривеньких хат.

О, мне бы на стылую площадь —
Я помню как будто вчера,
Как ветер платаны полощет,
Как горько гудят катера,

Как, воплям суденышек вторя,
Вздыхает от их кутерьмы
И ждет нелюдимое море
Своей одинокой зимы.

Миндаль

В этом марте опять без меня на бульваре миндаль расцвел.

Сладко пахнет – и пчелы гудят в вышине, наполняя слух.
Узловатой неверной тенью зацепился на склоне ствол.
Под обрывом изгиб шоссе повторяет извивы бухт.

Лепестки заматают редут, налетая, как поздний снег.
Где тропинка, петляя, вилась, склон зарос молодой травой.

В эполетах зеленой бронзы Тотлебен смотрит поверх
Суеты современности. Долу клонится ствол кривой.

А стемнеет под вечер – когда канут в море следы зари —
В амальгаме агатовой вод и небес огни задрожат.
Лабиринтами узких улиц обозначатся фонари,
Тьму разгонят в провалах лестниц и пустотах ночных аркад.

Глажу выгнутый ствол, улыбаясь гудящей юной пчеле.
Ты укроешь меня светотенью, наклонишься, храня мой сон
В каменистой, сухой и чистой, бесконечно родной земле,
Там, где память, ярость и боль затихают под говор волн.

Херсонес. Колокол

Невидим колокол ночной.
Доносят редкие удары
Порывы ветра за стеной.
И, просыпаясь от кошмара,
Я каждый раз хочу найти
Границу между сном и явью,
Но мне ее не перейти,
Не потеряв на переправе
Чего-то, что древней меня
И остается под завесой,
Чего уже не помню я,
Но знают камни Херсонеса —
Тот ноздреватый известняк,
В нем время вымыло пустоты,
Как и во мне. Неровен шаг,
И тщетна памяти забота,
Но этот колокол в ночи —
Как одинокий голос моря:
Он никогда не замолчит,
Туману вторя, шторму вторя,
Взывая к пенной седине
Полынных круч, к молчащим скалам.
Зовет меня – ведь я пропала.
В глухой ночи звонит по мне.

Катер

Как ветер играет, смеясь,
Сатиновым платьем!
Слепящая пенная вязь,
Одышливый катер.

Учкуевка там, в стороне,
Жарой воспаленной,
И солнце играет в волне —
Зеленой, зеленой!

Подросток, черна и худа,
И кисть винограда
В руке зелена, как вода,
Вкусна, как прохлада.

Мотора усталого гул,
Подружки в обнимку,
И розовость мыса Лукулл —
Туманной картинкой,

И палуба — крепкая твердь,
И бездны не видно,
И так далека еще смерть —
И так безобидна!

Лабораторное шоссе

*В марте 1944 года фашистскими оккупантами
было разгромлено севаستопольское подполье.*

*Памяти В. Д. Ревякина и членов его подпольной
организации*

Лабораторное шоссе скользит меж гор в извивах балки.
По склонам домики, просев, глядят таинственно и жалко.
Моя печальная земля, ступенек ноздреватый камень.
Пылятся в дымке тополя, светясь белеными стволами.
Пестрят сквозь пряди дерезы косые ветхие калитки.
Предошущение грозы – тут времени границы зыбки:
Еще зловещий ток войны течет в земле и будит раны,
Плоть Корабельной стороны в крови Малахова кургана.
Кривые улочки Бомбор – камней стоглавая аскеза.
С героем погибает хор под скрежет ржавого железа.
Смотри, куда хватит сил, – везде оставленные знаки.
Здесь под конвоем уходил в ту ночь туманную Ревякин.
Смотри, он перешел порог, – он знал уже, что без
возврата.
Пора – свое взыскует Рок, заплечный кредитор солдата.
Калитка скрипнула вдали – прокрались тени вдоль сарая.
Еще кого-то увели, еще кого-то... Тьма сырая
Мазнула мокрым по лицу и на губах осталась солью.
Кончался март, и шло к концу по мертвым улицам
подполье.

Морская осень

Ты видела в окно волну,
Вдыхая соль морского ветра.
Ты слышала, как рваным метром
Он ввысь возносит глубину.
И, близость чувствуя с водой
Сквозь доски старого настила,
Ты летней ночью со звездой
О тайнах моря говорила.

Но что-то пряталось в кустах,
В полынной памяти оглохшей,
И древний непонятный страх
Налег на плечи тяжелой ношей.
Что это – тяжесть или боль?
Или фантом самообмана?
Но море добавляло соль
В незаживающую рану.

Ведь никогда не передать
В бесплодном поиске просодий,
Как мучает морская гладь,
В какие тьмы она уводит.
Ты не угонишься за ней,
Увязнешь в снах веков слоистых —
О них кричат глаза камней,

Источенных волной и мшистых.

И выметет тебя, как лист,
С аллеи слов морская осень,
Она тебя сомнет и скосит —
И снова берег пуст и чист.
И чайка вскрикнет по тебе,
На рыбный промысел взлетая,
И растворится, тая, тая
В сплошной слепящей синеве...

Старая маслина

Светлане Галс

Та сухая маслина когда-то жила,
Серебристой шуршала листвой.
Ведь для памяти время прозрачней стекла —
Мы с тобой ее помним живой.

Оголенная ветка скребет парাপет —
Это голос безмолвной души.
Через версты пространства и изгородь лет
Он тоской и надеждой прошит.

Темный плющ милосердно укрыл наготу,
Спрятал раны иссохшей коры.
Льются с клумб и аллей в обновленном цвету
Ароматы весенней поры.

Но всё так же, клонясь параллельно земле,
К морю тянутся руки ствола,
Как засохшей маслиной оставленный след:
Шелестела, любила, жила.

Оливы

Пойдем со мной, пойдем со мной
Туда, куда сама не знаю,
Там по камням стекает зной
И пьет его вода морская.
Там силуэтами олив
Закат простеган над обрывом
И, море зноем напоив,
Он красит пятнами оливы.
С полынью споря сединой,
Они и горечью похожи, —
Прижмемся мы к стволам спиной,
Тепло их впитывая кожей.
Пусть шелестят свой нарратив,
Признав во мне свою сестру и
Припав к плечам моим, олив
Ночных серебряные струи.

Инкерман

Мой странный сон – замерзший Инкерман.
Нет никого, и жжет сухая стужа,
И всюду стынут зеркальцами лужи.
От ветра сунь в негреющий карман
Негнущиеся пальцы. В цвет золы —
Ландшафт величественный и увечный:
Глазницы келий смотрят из скалы,
И оплетает их сквозную вечность
Петля норд-оста, ледяной крупой
Швыряющегося, гоня с дороги,
Пока обледенелою тропой
Меня несут, оскальзываясь, ноги.
Чем ближе к дому, тем быстрее шаг;
Куда спешить тому, кто обездолен?
Ему – лишь ветер, рельсы и овраг,
Пещерный монастырь, провалы штолен.
В глазницах этих призраки живут,
Да кто еще бы выжил в этот холод,
И сосланные, умирая тут,
В бреду домой спешили в Вечный Город.
И мной овладевает мерзлый бред,
Повсюду лишь пещеры и провалы,
Мне не дойти домой, и моря нет,
А есть порывы ледяного шквала
И сизый проблеск гаснущего дня,

Колеблющийся занавес метели.
Одышливый иззябший товарняк
Ползет, протяжно воя, из туннеля.
Но путь к себе утрачен – сквозь буран
Не различить заснеженные вехи.
Не узнавая, смотрит Инкерман
Сквозь каменные стылые прорехи.

Максимова дача

Память хочет назад.
В синеве ястребиной, в стрекотанье цикад
Птичий взгляд озирает равнину
Безмятежно и остро, а полдень, истаяв, не хочет
Возвращаться, и листья с кустов,
Тех, где рдеет кизил,
Все опали, истлели, и пруд зацветает зеленой
Ряской, и тишина непомерна.
В прямоугольном бассейне сияет вода бирюзой,
Забыв, что когда-то давно
Трава была темной от крови, стекавшей по стенам
замшелым,
Выстрелы распугали всех птиц,
Только кукушка, как и сегодня,
Монотонно твердила, в терновнике прячась,
Свой неверный ответ на извечный вопрос обреченных:
Сколько мне жить?

Обезьянья баллада

В огромных скругленных окнах
уже золотился вечер,
закатом над бухтой соткан
и зыбью морской подсвечен.

Жара теряла на трапах
тягучие капли сока,
и с ветром соленый запах
вливался в проемы окон.

На улочках перевитых
дремала древняя память,
был город ею пропитан
насквозь ночными часами.

А там, где в тиши рассветной
с причала слышались склянки, —
в окошке стояла клетка
с тропической обезьянкой.

И мимо толпы прохожих
по тающему асфальту
брели на жаре, — но все же
ее обезьянье сальто

притягивало их взгляды,
смешком освежая лица,
к запущенному фасаду,
к окну, где она томится.

И вроде бы отвечала
она не в лад и глумливо
на смех внезапным оскалом,
но были глаза-оливы,

как память ее, печальны:
корабль и боцман угрюмый;
кормушка, вода, дневальный;
темно в закоулке трюма.

И качка, и воздух с солью,
недели мерного плеска,
и долгие дни неволи,
и клетка, и занавеска.

Продели тонкие ручки
сквозь прорези кофты желтой,
и смотрит с тоской горючей
в окно, как чужие толпы

смеются, проходят мимо,
торопятся вдаль, к причалу,
и дальше, жарой томимы, —
на пляж, под дикие скалы.

Там равнодушное море —
ему никого не жалко —
в кудрявой пене прибоя
перемывает гальку.

И только луна, немножко
жаля, стелет сияньем
по морю свою дорожку
туда, в края обезьяны.

Башня Ветров

Ветер гоняет клочья тумана
Переплетая их в гулких пустотах

Осень в воротах

Рванные листья старых платанов
Диким напором
Ветер взмывает до кровли собора

Кружатся листья в небе без счета
С ветром в пустоты аркад залетая
В них пропадая

Вечно пустая
Старая башня – старая рана

Лодочник

Факультет исчезнувших вещей
Времени, сбежавшего с откоса:
Лодочник в брезентовом плаще
В сизом ореоле папиросы.

Осень в зыбком воздухе дрожит
И переливается, как будто
Сторожат, мерцая, миражи
Акварельный сон Стрелецкой бухты.

Спит в воде заброшенный понтон.
Здесь – ни корабля, ни пешехода.
Только тишина фантомный звон
Льет в раскрытые ладони лодок.

Малахов курган

Малахов курган – в миндале,
Сплошном бело-розовом флере.
В прозрачных просветах аллей
Закат окунается в море,

Готовятся спать корабли
На ложе воды акварельной,
И склянок звенит перелив,
Вплетаясь в гудок с Корабельной.

Курган проступает горбом
Над городом, памятью детской.
Где Доковой балки разлом —
Там время, прикрытое дверцей,

И солнце колдует в траве —
Весна начинается рано;
Моя батарея Жерве —
Там бабушкин дом под курганом.

Лишь море там, море и степь —
Великой истории лоно.
Там памяти крепкая цепь,
Сверкая, сбегает по склону.

И мне ли учиться писать
О чем-то другом – не об этом?
Все детство мое – паруса,
Скульптуры в своих эполетах,

Чугунными ядрами – крест,
Зеленая бронза шинелей
И траурно вставшие с мест
Молчащие черные ели.

Как им не врываться в стихи —
Стихией уму неподвластной
Руки мастерицы-тоски,
Рисующей болью и маслом?

Она не уснет никогда,
Глаза не опустит оленьи,
Как будто в других городах
Нет жизни и нет утоленья!

Февраль. На окне вензеля
Ночного мороза. Но память
Рисует цветы миндаля
И дышит его лепестками.

Баллада о затопленных кораблях

Они еще пахли смолой, сосной,
Медлительной влагой таежных рек.
Потом их прогрел черноморский зной,
Просоленный парус взвивался наверх,

И мимо бесплотных ночных огней,
Дрожащих, омытых печалью, шли,
И бился волной опустевший рейд,
Вслепую ища свои корабли.

А в пристань вращал каменистый спуск,
Кривились стволы в миндальном цвету,
И ветер их гнул, а берег был пуст,
И сваи держали его пустоту.

Но в миг возвращения, ткнувшись бортом
В расщелину бухты, как в добрую мать,
И в спячку впадая, не знали о том,
Что здесь, а не в море, им умирать.

Слободки, калитки, колодцы, мостки,
Рыбацкие лодки-скорлупки в ряд.
И курят в убогих дворах рыбаки,
И тенью наброшен на них виноград.

В извилинах улиц без фонарей,
В расселинах балок – домишки вкривь,
И тощие руки усталых рей
Тянулись туда, паруса спустив.

В домишках проснутся, зажгут огни,
Начнут, суетясь, доставать из печи...
Вернулись, вернулись! Считали дни
До новой разлуки в сырой ночи.

Здесь жизнью звучала родная верфь,
Им матерью зыбкой была волна,
А смерть... лишь вдали им грозила смерть,
Холодное ложе морского дна.

Кто знал, каково разлучаться – так!
К погрузке камни! – Сдержать печаль.
Рубить отверстия! – Близок враг...
Покинуть судно! – Прощай, прощай!

Они умирали, закрыв собой
Холмы и овраги, бухту и верфь,
И длился их странный бескровный бой,
И бился в обшивке бесплотный нерв.

Ветер срывался и замирал.
Да и к чему, если все решено?
И молча смотрел в бинокль адмирал:
Они, кренясь, уходили на дно.

Равелин

Волны, одни волны кругом...

А. Грин

Одиночество равелина. Стоны ветра, сырые камни.
Слишком много видели стены – то-то призраки битвы
давней,
Отделяясь от стен ночами, омывают над морем лица.
Он в веках – одинокий стоик. И, сощулив свои бойницы,
Он стоит и смотрит на город, на игру светотени в кронах,
На тягучие сны бульваров, дерезу на пустынных склонах,
На сквозящие тайны лестниц, в зелень спрятанные
небрежно,
Суету площадей и улиц, дискотеки на побережье...

Он стоит – и смотрит бесстрастно, как сплывают катера на
рейде,
Как огни фонарей и окон окунаются в море сетью
И качаются с тихим плеском опрокинутым отраженьем,
В темноте купальщиков поздних освещая быстрые тени.
И еще он видит напротив, на стене бульвара опорной
След обстрела. Стена рябая, словно в оспинах серо-
черных,
Рядом с морем в солнечных брызгах, катерами с их

круговертью

Приоткрытый портал Аида осеняет прохладой смерти.

Но и город смотрит на море – и в проемах жаждущих окон

Видит, как он врос в эти камни на посту своем одиноком,

Как его осаждают волны и по стенам бегают блики.

Только ветер да мерный рокот, озабоченных часек крики

Отдаются в безмолвных сводах отголоском чьих-то рыданий.

А ночами светит на башне неподвижный огонь в тумане.

Волны, волны кругом и всюду, нескончаемо их движенье...

Прибывая, бьется о вечность, лишь себя разбивая, время.

Кредо навырост

*Отстаивайте же Севастополь!
Предсмертные слова адмирала Корнилова*

Стой, хоть метется и сыплется
Наискось мерзлой крупой,
Вьется кругами бессмыслица, —
Стой, где стоишь ты, и пой,
Тем и справляясь со страхами —
Брошенным в зиму скворцом —
Стой на кургане Малаховом
К певчему морю лицом.
Слышишь – сквозь шумное марево —
Моря размеренный зов?
Внутренний город отстаивай,
Музыку древних часов.

Твои берега во мне

Мне нужно было, как честь, беречь
Твои берега во мне
И волн твоих слушать вечную речь.
Но вот же – в судьбе оказалась течь,
Пробоина в утлом дне.

И что утекло – не вернуть назад,
Не мне воевать с судьбой.
И бьюсь я, и длюсь, и выюсь наугад,
Как стелется вдоль стены виноград,
А сердце мое – с тобой.

Улица Розы Люксембург

Восьмое марта... Роза Люксембург!
Жила на улице одноименной
Когда-то мама над заросшим склоном
Оврага. Улыбался демиург,
Дорисовав кармином черепицу
Горячих крыш, лазурью наугад —
Беленые заборы, где струится
Обильной тенью буйный виноград,
Смешеньем красок — лужу у колодца,
Слепящую струю, — в ней бьется солнце.
И улицу простер без мостовых, —
Лишь выбоины, рытвины и камни,
Бликуют окна, как объятья, ставни
Раскинув, — и по ставням скачет блик!
Дорисовав, залил он тишиной
Густейшей, оглушительной и гулкой
Дома, дворы, горбатые проулки,
Картину Корабельной стороной
Назвал, нанес последние мазки,
Не подписал и выставил в Пространстве,
Искусствоведам не оставив шанса,
Но Времени шепнул: беги, беги!

Улица Яна Гамарника

Улица Яна Гамарника,
Пыль каменистого склона.
Птицы поют из кустарника —
Им отвечает с балкона

Щебет ручных попугайчиков
У старика капитана.
О, как сияет заманчиво
Небо сквозь кроны платанов!

Давнее, давнее, скрытое,
Спрятано скаредной памятью,
Лето в ухабах и рытвинах
В даль немощеную тянется,

Стуком телеги старьевщика
В музыку утра вплетается,
В жемчуге моря полощутся
Смутные лодки под парусом,

Сколько их, сколько их, сколько их!
Призрачных и одинаковых.
Там, за горою Рудольфовой, —
Степь размалевана маками,

И мелкоцветьем усыпана,
И разнотравьем надушена,
В травах цикады со скрипками —
Слушай их, слушай их, слушай их!

Где ни бродила бы, странница,
В бездне сухого колодца
Памяти это останется,
Но никогда не вернется

Пыльный тот склон на Гамарника
И светотень на балконе,
Утренний трепет кустарника.
Помни их, помни их, помни.

Балетный класс

Тут станок от входа и до угла,
И рояль в углу всегда в тоске.
А по стенам – зоркие зеркала. —
«За рукой следим! Батман пике!»

За окошком дело идет к дождю,
Ветер гонит листья выше крыш. —
«Поворот и снова! Батман тандю!
Держим спину!» Раз, и два, и – прыж-

ком взметая с пола, как палый лист,
Наискось несет тебя жете
Под тоску рояля, под стон и свист
Ветровой в продрогшей темноте.

Ты гонима ритмом, как ветром – он,
Ты как лист – и там, и тут балет.
Всюду, всюду, школьница, свист и стон.
«Раз, и два, и три», – покоя нет!

Там, где глохнет вальс, где уже темно,
Где железный трап, миндаль, обрыв,
Море, встряхивая сединой,
Отмеряет неизменный ритм.

И, вздыхая, движет хребтами волн,
Вовлекая дождь в свою игру,
И стекает вниз каменистый склон,
Шелестя кустами на ветру.

Стихнет ветер – тьма тишиной звенит.
Слышишь – бьется жилка на виске.
Этот мир живой – его держит ритм.
И – «К станку, начнем! Батман пике!»

Осенний сонет

У мамы на руках все видится другим
И в сумерках плывет тревожаще и странно.
Таинственен, далек и еле различим
За бухтой темный горб Малахова кургана.

Поодаль листья жгут – и горьковатый дым
Дрожит и стелется, закрыв стрелу плавкрана
И ветку миндаля. Обнявшись, мы молчим.
Пускает корни в нас осенняя нирвана.

Еще не знаю я того, что это – Крым,
Лишь воздухом дышу соленым и сырым,
Смотрю, как катерки проходят караваном.

Мне рано понимать. В единстве первозданном
Стихия этих мест с младенчеством моим,
И рано уезжать, и расставаться рано.

Синий плащ

А. С. Л.

Синий плащ, и поднят воротник.
Дождь на Корабельной стороне.
Оставляю дома горку книг
И бреду в дожде и тишине.

Я Рабочей улицей иду.
Вехи детства. Мокрые глаза.
Я сижу в Папанинском саду,
И дождинка блещет, как слеза.

Здесь меня носили на руках.
Вот обрыв, где дереза растет.
Снова сквозь прогалину в кустах
Видно, как уходит теплоход.

Той, меня носившей, больше нет.
Издали ко мне крадется мгла.
Я была в отъезде много лет
И совсем другой сюда пришла.

Синий плащ. И поднят воротник.
Темный двор. Горящее окно.
Мой неиссякающий родник —

Счастья или горя, все равно.

Льдинка

*Ксанф, сын Лагорина, прощай!
Странник, скрываю собою я Ксанфа...*

Античная эпитафия, пер. К. М. Колобовой

Ксанф, сын Лагорина, прощай! Ветер с моря неистов,
Он рвет окантовку плюща, теребит кипарисы,
Вдоль мокрых раскопов бродя, причитает, как нищий,
И виснут покровы дождя над стеной городища.

Нить смерти твоей заплелась в буквах древних
надгробий,
Плач их не смолкает, струясь в каждом выбитом слове.
Твой челн в стылых водах скользит, шлем над бровью
расколот.
Плеск, тьма, переправа в Аид, медный привкус обола.

Нет дат, имен и примет, даже памяти боя:
Вечность ты в походной суме ныне носишь с собою.
Кто ты? Уплываешь куда? Смолкли чаячьи стоны.
Смертью отливает вода – мертвым блеском флакона.

Глушит свод пещер тишиной, не оставив слезе и
Всхлипа. Только рядом со мной плачет камень в музее,

Давший мне в детстве урок: мы всегда – над обрывом,
Платим тени смертной оброк. Эти доли и нивы

Здесь лишь, припадая к шитью, прикрывают прореху.
Ксанф, был ты отважен в бою, как положено греку.
Горд, прям, и стоял как стена: эллинское – свободно!
Смотрит в пустоту из челна тень – бледна и бесплотна.

Песнь – не Гесиод, не Гомер: сирый плач над убитым.
Льдинка из летейских пещер, острый скол сталактита
Есть в сердце – призрачный блеск асфodelей долины.
Плачет над тобой Херсонес. Спи, сын Лагорина.

Месяц слева

*Южный Крест там сияет вдали,
Вместе с солнцем проснется компас.
Бог, храня корабли,
Да помилует нас.*

А. Грин

Месяц слева был от электрички,
Он стоял над Корабельной стороной
И светил, светил мне по привычке
В этот час прощальный мой.

В этот час прощальный и последний —
Час горчайшей из разлук —
Месяц стал крупнее и заметней:
Даже он был тоже – друг.

Тихий серп висел над кораблями,
Расплывался в мутных линзах слёз,
И тревожил гулкий крымский камень
Стук безжалостных колес.

Сонными провалами темнели,
Отзывались холодом в груди,
Вытянувшись змеями, туннели —

Впереди и позади.

Электричка пробежала рядом
С бухтой – торопилась в Инкерман.
Может быть, остаться было надо?
Оставайся, рви стоп-кран!

Корабли, стоящие на рейде,
Я осталась бы уже давно,
Только мне теперь остаться негде —
Камнем я иду на дно.

Падаю, и не пошевелиться.
Гибну. Но, найдя меня вдали,
Возврати, верни меня, как птицу,
Бог, хранящий корабли!

Да не будет дано

Да не будет дано умереть мне вдали от тебя...

И. А. Бродский

Помрачневшее море сливается с небом, вздыхая,
В бухты серым по серому вписана сталь крейсеров.
Сонно падает вялыми листьями осень глухая,
Под шагами слоится ее шелестящий покров.

Мелкий дождь умывает асфальт площадей и бульваров,
Опустевший вокзал заблудился в своих сквозняках,
Пересохли фонтаны, почти обнажились чинары,
Не мешая смотреть, как сплывают катера впопыхах.

Лица редких прохожих навстречу плывут равнодушно,
Вечереет, и скоро совсем уже станет темно...

Мне никто не мешает, уткнувшись в ночную подушку,
Вспоминая мой город, шептать: «Да не будет дано...»

Те города, где моря нет

Ты с детства помнишь этот свет,
И плеск, и солнечные блики.
И для тебя теперь безлики
Те города, где моря нет.

Те города, где горизонт —
Холмы и заводские трубы,
Степные ветры сушат губы
И выворачивают зонт.

Лодка-мама и лодка-дочка

В утлой памяти, столь непрочной,
Образ капель повис тяжелой:
Лодка-мама и лодка-дочка
Под стеной бетонного мола.

И порой их мотает под скрежет и визг,
И почти не держат швартовы,
Лодки плачут, исколоты иглами брызг,
И сорваться в море готовы.

А порой качаются сонно
На виду безлюдного пляжа.
И, ласкаясь, им дарят волны
Перья пенных своих плюмажей.

Но когда оглушит штормовой оком
Вой норд-остовых зимних истерик —
В одичалое море уходят вдвоем
Выживать, забывая берег.

Распогодилось в небе к ночи,
Море к молу ластится кошкой.
Горизонт вдали позолочен
Безмятежной лунной дорожкой.

И по золоту моря один силуэт
Намалеван смолой или сажей.
Лодку-дочку качает, а матери нет
В безразличном морском пейзаже.

Синее

Синее проступает сплошной каймой
В перспективе улиц, бегущих вниз,
Обрамляя шум, суету и зной —
Повседневность, в которой они сплелись.

Лестницы водопадом текут с холма,
Камень солнцем высветлен добела.
А по горизонту везде кайма
Бирюзой переливчатой подтекла.

Медленно поднимаясь, зачем-то взгляд
Ищет и сегодня – в снах, наяву —
Смутный контур серого корабля,
Разведенную зеленью синеву.

Будто бы прикоснется смычком скрипач
К струнам, что нетронуты много лет.
Синее проступает – пройдет, не плачь! —
Сквозь усталые веки – извечный цвет.

Лонгрен

Пальцы в мозолях, натружены вены,
Дворика скудный пейзаж:
Ладятмышленные руки Лонгрена
Детский смешной такелаж.
Вспухшее море взвивается пеной,
Волны меняют размах:
Шторм! Запирает калитки Каперна,
Хлопают ставни в домах.
Козочкой прыгая с камня на камень,
Прячась в кустах дерезы,
Дочь твоя бродит, Лонгрен, берегами
И не бежит от грозы.
Гадкий утенок с изогнутой шеей
Щурится, глядя во тьму,
Тайной своей угнетен и взлелеян,
Тесно и тошно ему.
Мало ли, вдруг и поможет однажды
Ей романтический крен.
Только понять ее странную жажду
Ты не умеешь, Лонгрен.
Вся твоя радость – высокие рей,
Режущий пену бушприт.
Кто там придет в алом шелке за нею,
Что там она говорит?
Плещется горем минувшее время,

Все твоё море теперь —
Шхуны-игрушки, а тайна – зачем ей?
Хочется верить – ну, верь.
Странным цветам незнакомого флага
Ты удивишься, как сну,
В день, когда волны овечками лягут,
Алым отливом плеснув.

Под раздраженной толпы пересуды,
Счастьем дразня и слепя,
Бросит она, поднимаясь на судно,
Издали взгляд на тебя.
Минули годы – не так уж и мало,
Многие мили морей,
Разноязычие чуждых причалов
Издавна ведомо ей.
И, опираясь на поручни юта,
Смотрит на след за кормой,
И в тишине капитанской каюты
Шепчет тоскливо: «Домой!»
Если бы снова увидеть Каперну,
Смуглых портовых бродяг,
Башню с часами, причал и таверну,
Стружки, отцовский верстак.

О кораблях

Пиши о кораблях, о кораблях.

Об их скрипящей на ветру оснастке, просмоленном

Дереве корпусов, о нетвердом уже под ногой

Присутствии вод,

О том, что теперь берега безвластны и уплывают

Вдаль, оставаясь при этом на месте.

С ними уходит и боль. О ней – ничего.

О чайках, чей торжествующий крик

рвется душа повторить в зыбком преддверье свободы,
шевелия крыльями парусов и страшась бездны, но крепко
стоя

на ней.

Надеясь однажды пройти по ней

И выплыть.

Механический ящер

Механический ящер над бронзой предутренних вод,
Черепичной грядой городов, пестрой кромкой яйлы,
Там, где в горных лесах можжевеловый ветер поет,
Там, где ястреб парит, где следят за добычей орлы.

В птичьем небе летит над задумчивым морем живых
В винных пятнах восхода на скользких дельфиновых
хребтах;

Это небо для птиц, в нем купается чаячий крик.
Можжевеловый ветер, трепавший прожилки куста,

Затихая к рассвету, улегся дремать и ослаб,
Лишь подсохшие листья шуршат, устилая откос.
Это небо – для птиц, для пернатых, их клювов и лап,
Их свободного крика, а дикие скалы – для гнезд.

Металлический коршун взрезает крылом горизонт
Неуклонно и быстро – размеренным взмахом ножа,
И, ловя на себе его тень, заворочался Понт
Сонным зверем, почуяв, что рядом крадется чужак.

Понт не любит чужих и, вскипая, терзает суда,
Но кругом тишина, у нее металлический вкус.
И скользящую тень от себя отторгает вода
Мертвой зыби ознобом, тошнотным скоплением медуз.

Непрочное небо

Подзорная труба

М. М.

В подзорную трубу над гладью черепичной
В разбитое стекло чердачного окна
Смотри, смотри, замри, – такой у нас обычай —
В стекающий закат тоску запеленав.
Запеленав ее и дальше пеленая,
Качая на руках, опутав рукавом,
В подзорную трубу смотри-замри у края,
За тесный горизонт расширив оком.
Подзорная труба, дистанция и зоркость,
Подальше от себя, и, локоть отведя,
Глаза не отводи от жизни брэнной, горькой,
От сонных кораблей за шторами дождя.
От листопадов лет, кружащих парашютом
Над блеском мокрых крыш, над лунной мостовой,
От этих вечных бухт, куда текут минуты,
С собой неся поток просодии живой.
Подзорная труба свернула время в трубку,
К груди приблизив так, что пульс эпох в ушах.
Смотри в нее, смотри! Знай, созерцанье хрупко,

И не спугни себя, испуганно дыша.

И если речи нет, молчи – молчанье лечит,

Поется – не взыщи, что ткань стиха груба

И горше прежних строк, иди ему навстречу,

Пока в твоих руках подзорная труба.

Тамань

Тамань. Туман. Безжалостный обрыв —
Под ним судов чуть видимые снасти
И контуры, размытые ненастьем,
А значит, море — и его мотив
В ушах неотделим от тишины,
И тень слепца проскальзывает мимо —
Он под скалой с таинственной ундиной,
Чьи косы влажны и расплетены.
Туман стоит в невидящих глазах,
Слух — поводырь поэта и слепого:
Скользни по склону меж колючих трав
За ним, нырни в незримое за словом.
Туман, туман... Не разглядеть под ним,
Что так влечет к неведомому краю —
К тому, кто в лодке, еле различим,
И к той, у скал, чей хрупкий контур тает.
Родня туману — обветшалый дом,
Печь без огня, ночлег неприхотливый,
И эти тени, свившие гнездо,
Как ласточки, у самого обрыва.
Тьма. Плеск весла. Слепого долгий всхлип.
Сквозь облако луна следит за ними.
О, как безлюден этот край земли!
Заплачет ветер — будто сердце вынет.
Поднимут парус — белый как платок,

И мимо кораблей пройдут в тумане.
Фонарь мигает в море, одиноко,
У равнодушных берегов Тамани.

Нарисуй мне ель

В. Янко

Нарисуй мне ель на другом берегу,
Новогодье в чистом снегу.
Под луной сверкает нетронутый лед.
С чистой строчки начнется год.

И минуты его растекутся в поток,
Тонкой свечкой зажгут восток.
В этой чахлой струйке, что льется едва,
Потекут живые слова.

Всю былую боль ты отринь и отрежь,
За рекой застывшей оставь.
Завтра утром снова копну надежд
У порога поставит явь.

Черно-белое

Пустота вмерзает в дух и плоть
Черно-белым знаком व्युжной ночи.
Тьма блестит сияньем снега, хоть
В ней рисунок проявиться хочет.
Это память давним январем
В черных водах прошлого всплывает:
Белый снег, кубинский горький ром,
Мерзлый стук последнего трамвая,
Рельсы, непонятный поворот,
Головокружительность побега,
Обжигающий металл ворот,
Чистота нетронутого снега.
Пять минут, и разгорится печь,
От огня запляшут тени, блики.
Космы скроют черным скудость плеч,
Шорохом вздохнут на полках книги.
Тонкая церковная свеча,
Догорая, вспыхнет напоследок,
Первого рассветного луча
Не увидев сквозь сплетенье веток.
Дальше – сон. И тьма еще густа.
Тонкий смысл на свет родиться хочет.
Помнишь?..
... Черно-белым знаком ночи
В дух и плоть вмерзает пустота.

В конце зимы

Но только снег – куда ни посмотри.
Лишь белые нахохленные крыши
Кругом сквозь ночь мерцают до зари,
И мерзлый ветер провода колышет.

Застыло время на часах зимы,
Безвременье сгустилось и застыло,
И спит перо, и высохли чернила,
И вдохновенье не возьмешь взаймы.

Куда идти, когда темным-темно
В твоей душе, как равно и в округе.
И молча смотришь в тусклое окно,
Как фараон, скрестив спокойно руки.

Метель

И пусть заносит, пусть заносит
Последним снегом февраля,
Пусть он падет на нас, как проседь,
Промерзшие стволы беля,

Пушай зима сойдет на город
На этот раз как в первый раз,
Пусть стужей затечет под ворот,
Пушай твердеет снежный наст,

Пусть хриплым племенем вороньим
Февраль летит за сталь реки,
Пусть на ветру горят ладони
И вечер стынет от тоски,

Пусть энная зима рубахой
Объемлет мысли и шаги,
Качели страха и размаха
Вольет в ритмический изгиб

Просодии, пусть станет вовсе
Безвидна и бела земля,
И пусть заносит, пусть заносит
Последним снегом февраля.

Нигде

Моя любовь – везде, нигде,
В порывах ветра на мосту,
Она в снегу, она в дожде,
Летящем косо в пустоту.
Она в сегодняшней тоске,
Такой же острой, как вчера,
И в этой ломоте в виске,
Не утихающей с утра.

На ощупь знаю я, что ты
Уже не спишь, хотя темно,
Встаешь до утренней звезды,
Затеплив сонное окно.
В горелке огонек дрожит,
Мелькает отсвет на стекле,
И вместе нам принадлежит
Час до рассвета в зимней мгле.

Застывшей накрепко рекой
Декабрь прикован к февралю.
Кругом безлюдье и покой.
И только я тебя люблю.
Моя любовь – везде, нигде,
Она тихонько поутру
В незастывающей воде

Травинкой мерзнет на ветру.

Непрочное небо

Весь мир – твой ребенок, но все же не сто́ят слезы
Его голубые цветы, его мерный прибой под обрывом
И то, что никто в этот мир не родится счастливым.
А в воздухе носится, носится запах грозы.
И сходятся тучи, как брови богов, над землей,
Застыли деревья и ласточки низко летают,
И видно – зарницами с юга гроза подступает,
Над мутной водой расползаясь уклончивой мглой.
Непрочный кораблик качает речная волна,
Тяжелые баржи фарватером тянут буксиры.
Непрочное небо прольется сейчас, и одна
Тяжелая туча весомее целого мира.
А мир – твой ребенок, любим, неприкрыт, уязвим,
Он так предсказуем – забудет, предаст, охладает.
И темная туча повисла, склоняясь над ним.
Пока тишина, и вечерней прохладой веет.

Никто

Я никуда не еду
И никуда не иду.
Просто бреду по следу
Того, чего не найду.

В непроходящем сбое
Души – у всех на виду —
Я ничего не стою
И ничего не жду.

Лист упадет осенний,
Зацепит рукав пальто.
В переплетеньях тени
Я призрак, зеро, никто.

Романсеро

В. Щугоревой

Чахлое утро предзимья.
Туманно, сыро и серо.

Низкое небо стынет.
Но вслушайся – романсеро!

С ландшафтом сливаясь цветом,
Расселась воронья стая.

Медленно и незаметно
Зреет напев, нарастая.

Ты ведь сквозь гул Ростова
Слышишь меня, Воронеж?

Что ты так жжешься, слово?
Скрипка, о чем ты стонешь?

Через снега, туманы,
С унылым двором в контрасте

Звучи, огонь кастильяно,
Просодией, полной страсти.

Крови́ разломом граната,
По венам плыви слезами,

Горький огонь Гранады,
Пламень, что плавит камень.

Зимний мир безучастен
К боли – укрыться негде.

Но никогда не гаснет
Черный огонь дуэнде.

Горький огонь Гранады.
Черный огонь дуэнде.

Баллада о городе С.

В тех широтах, где я никогда не жила,
Над стеклянной водой наклонилась ветла
И луна заплетает ей косы.
Будто сторож она этих призрачных мест:
Возле старой капличы разохшийся крест
Наклоняется знаком вопроса.

Край увяз в тишине, загустевшей, как мед,
Лишь на станции колокол редко вздохнет
И надолго заглохнет в тумане, —
Он, спустившись к утру, голубым обволок
Сосны, розы костелов, полынь синагог, —
Что здесь ищет вельможная пани?

Ничего не найдется, ты видишь — одни
Огороды, сараи, косые плетни,
Травы сизые, топи да гати,
Семинарии густо-багровый кирпич.
Паровозный гудок, гулко ухаёт сыч,
Шепот речки ленив и невнятен.

Или так шелестит облетающий лес?
Что ты можешь искать в сонном городе С.?
Скрип телеги? Ворчанье собаки?
Или память ты ищешь? — Немая зима,

Керосином облитые, тают дома,
Превратившись в пылающий факел.

Пепел вьется до неба, до блеклых высот.
Пани ищет тот дом? Что здесь пани найдет?
Остов печи? Крючки-шпингалеты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.